

Дима Завров

Билет в новую жизнь

12+

Дима Завров

Билет в новую жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66566750

SelfPub; 2021

Аннотация

Трогательная история о случайностях, что рождают закономерность. О поисках причин, которые меняют людей, растворенных в океане мегаполиса...

Дима Завров

Билет в новую жизнь

– Здравствуйте! Мне на шестьдесят поездок, – попросила пожилая женщина и печально улыбнулась. Ее голос тонул в шуме от турникетов и разговоров у кассы.

– Возьмите проездной сразу на год, это выгоднее, – подсказала кассир.

– Год для меня – почти вечность, такой едва ли мне еще пригодится, – ответила дама, старательно пряча в улыбку боль от приближения неотвратимой смерти. Она замерла на секунду, ожидая вопроса. Но кассир лишь молча отвела глаза.

Женщина вздохнула, поправила выпавшую из-под красного берета прядь и двинулась к турникетам.

Взгляд кассира привычно скользнул вдоль очереди и замер у электронного терминала. Большой бронированной коробки, гордо выпятившей вперед плоский экран. Безмолвный конкурент. С каждым днем людей у него все больше. Подлая железка. Ей детей кормить не надо, сама-то от розетки питается, а мне какво без работы будет? Она покосилась на обведенное в журнале объявление: «конкурс Экскурсоводов», печально вздохнула – все духу не хватает позвонить.

Прогресс неумолимо наступал на пятки. Ей всегда нравилось метро. Сначала она была дежурным у эскалатора, но их

внезапно автоматизировали, и дежурных, не желая ссориться с профсоюзом, отправили на курсы кассиров. Пригодилось ее школьное знание английского, как раз к Чемпионату Мира по футболу пошел набор, чтобы иностранцам билеты продавать. А теперь вот и здесь машины подсадят, и на старости лет вновь работу искать придется.

«Ну да ничего, я на тебя управу найду! Уроню случайно чашку кофе тебе на микросхемы, вот тогда поговорим, как ты тут нас всех заменишь, – погрозила она кулаком врагу. Но терминал лишь устало моргнул лампочкой на табло.

Старый поезд мчался, дребезжа потрепанными вагонами, по маршруту, которым ходил уже лет тридцать. Кузьмич сидел в кресле машиниста задумчивый, в какой-то полудреме. Кисть на регуляторе, а взгляд летит за фотонами света вперед сквозь темноту тоннеля. Мерно покачивается на тумблере пластиковая балерина в крошечных пуантах – подарок дочери, его талисман. Работа машиниста непыльная, но даже у водителя автобуса или трамвая больше инициативы, а тут – ни разогнаться ни сбавить скорость нельзя – всегда в ритме, как пульс города.

Пронзительно пискнул интерком. Кузьмич нажал на кнопку:

– Да, машинист слушает, – сдержанно, четко по уставу от-

ветил он.

На его памяти всякое бывало, редко, когда без причины беспокоят.

– Командир, какая следующая? – пробормотал хриплый, заметно пьяный голос.

– Трубная, – неохотно ответил Кузьмич и повесил трубку. Вновь сигнал.

– Да. Машинист слушает.

– Не хочу пересадку делать, давай полтинник накину, а ты на серую ветку свернешь? – под хохот спутников спросил тот же голос.

– Нет, – ответил Кузьмич коротко, уже понимая, что и этот звонок не последний. Главное не вступать в длинные дискуссии, это только провоцирует.

Опять запищал интерком.

Надо взять, а как не брать – обязан ответить, а вдруг что случилось. Пожар, с дверьми что-нибудь или собака рожает. Всякое в поезде случиться может. Кузьмич нажал кнопку.

– Да.

– А это машинист слушает?

– Да.

– А почему по форме не представились? Мы с коллегами хотели бы знать, с кем имеем дело. Ну так что, согласен? А то поворот проедем.

– Я уже вызвал полицию. У вас, – Кузьмич посмотрел на табло, – шестой вагон, они к вам на станции зайдут, с ними и

договоритесь. Быстро вас упакуют и доставочку организуют.

Было слышно, как кто-то громко спросил, шестой ли у них вагон и, получив утвердительный ответ, стал осторожнее.

– Тогда у нас последняя просьба.

– Какая? Сигарету выкурить напоследок?

Голос сделал паузу, набирая воздуха:

– Отвезите нас на Жигулевскую.

И динамик захлебнулся в хохоте компании на том конце коммутатора.

Кузьмич усмехнулся и отпустил кнопку. Ну хоть дочери будет что рассказать.

– Друзья! Должен вам признаться, что эта традиция, которая длится уже целых семь лет, собираться вот так, в вагоне метро, в годовщину нашего славного выпуска, сейчас смотрится как экстрим, хотя во времена студенчества, когда мы сидели с одним батоном белого хлеба и майонезом к нему в виде закуски, нам это казалось вполне логичным и рациональным. – Вадим поднял пластиковый стаканчик. – За возвращение к истокам!

Трое молодых людей в отутюженных шелковых костюмах с провокационно уложенными в нагрудный карман платочками, хохоча, чокнулись и разом опустошили содержимое стаканов.

Кеша и Антон склонились над импровизированным походным столом, закрепленным между двух кресел в углу вагона. Антон увлеченно накладывал свежеприготовленный оливье, а Кеша закусывал бутербродами. Пассажиры тихо и без ругани, стараясь не замечать, переходили в противоположную часть вагона. Портативная колонка звенела веселой, знакомой с детства музыкой из советских мультфильмов. В такт музыке подскакивали на изношенных рельсах тарелки и стаканчики.

– Кстати, а чего ты Светку не позвал? Вы же с ней в метро и познакомились, – спросил Антон у Кешы.

– Да, ну вы же знаете, я как раз после такой вот гулянки и уснул у нее плече, а она заботливая, интеллигентно подождала, когда я проснусь, даже станцию свою проехала. Думала, что я заучился немного и над конспектом заснул. А не позвал потому, как не хочу в обезьянник ее тащить, куда мы, возможно, загреми. Зря ты так с машинистом, Антош, так бы еще посидели, а сейчас нас полиция выпрет, не успеем даже салат доесть, – с этими словами Кеша принялся уплетать оливье с удвоенной силой.

– Сейчас камеры везде, так и так бы пришли, – отмахнулся Антон.

– Да ладно вам, – примирительно начал Вадим, – ты, главное, саксофон не забудь. На Цветном Бульваре как раз место знаю хорошее, там акустика – закачаешься.

Поезд дернулся и остановился. В раскрытую дверь вошли,

скачая и озираясь, двое сотрудников полиции.

– О, это к нам, – рассмеялся Вадим. – Я полагаю, господа официанты явились за расчетом, что-ж, чаевых пусть не ждут, обслуживание тут никакое.

– Хотя кухня какая изысканная, – запихивая в рот остатки колбасы, заметил Антон.

Полицейские скороговоркой представились, невнятно махнули около козырька, отдавая честь, и потребовали документы. Друзья, не торгуясь, отдали. Этот ритуал был им знаком.

Под хихиканье пассажиров они покинули поезд.

Отделение, больше похожее на кладовку, находилось прямо на станции. Стены выкрашенные в казенный зеленый цвет, казалось, повидали многое. За гнутыми прутьями решетки сидел довольно крупный и буйный бородач, поэтому, выписав штраф, друзьям раздали паспорта и выгнали взащей.

Молодые люди перешли на Цветной Бульвар и, устроившись под изогнутой вензелем колонной, украшенной цветным витражом, достали инструмент. Золотистый блеск саксофона привлек внимание первой, неизбалованной публики. Оперные хиты с правильной подачей и настроением, да еще и без пресловутой шляпы для сбора денег быстро собрали вокруг себя кружок ценителей.

Гусеница эскалатора медленно ползла вниз. Навстречу проплывали лица: туристов, с любопытством, изучающих рекламные щиты; хмурых, скучающих клерков и молодежи, укрывшейся от мира в спасительном экране любимого смартфона. Алишер спустился на станцию и, достав из пакета оранжевый жилет, надел его поверх куртки, моментально сделавшись для всех пассажиров равнодушно незаметным. Он давно привык, что их бригада путепроходчиков не рок-звезды и у них никогда не попросят автограф, но, если они не сделают свою работу, даже самый новый поезд рискует сложиться до размеров консервной банки.

Алишер уже собирался сесть в поезд, но оживленная толпа людей привлекла его внимание, и он протиснулся ближе. Молодой человек в центре, аккуратно нащупывал мелодию на саксофоне, иногда даже попадая в ноты. Другой, в щегольском костюме, сильным, поставленным голосом исполнял арию из третьего акта принцессы Турандот.

Пожалуй, никак не ожидаешь услышать тенор Калафа перед ночной сменой. Последний раз он был на Турандот в Душанбе, и это было так давно, словно, если и было, то с кем-то другим, в совсем иной жизни.

Звук отражался эхом от гранитного пола, резонировал в украшенных витражами высоких колоннах и неуловимо исчезал где-то уже совсем под куполом, путаясь в барельефах. Алишер слушал, затаив дыхание и уносясь мыслями все

дальше, в залитую теплотой и светом юность.

Он уже пропустил несколько поездов, но никак не мог заставить себя вернуться. Музыка выбила его из привычной колеи. Или вернула?

Внезапно послышались крики. Он обернулся. Толпа отшатнулась от края платформы. На пути упал человек.

Алишер, распахивая зевак, снимавших происходящее на телефон, бросился на помощь.

– Не трогайте контактный рельс! Ложитесь вдоль движения, под поезд! – закричал он, срывая голос.

Испуганный человек тер ушибленное колено и пытался найти слетевшие очки. Бумаги и рентгеновские снимки из его сумки веером рассыпались по путям. Мужчина торопливо поправил выбившуюся из ремня клетчатую рубашку и, охая, бросился собирать документы.

В туннеле уже грохотал приближающийся поезд.

Музыка стихла. Полицейский что-то кричал в рацию, по перрону сквозь толпу пронеслась дежурная. Толпа безмолвствовала.

Алишер прыгнул вниз. Схватил мужчину за воротник и без церемоний прижал к бетонному полу. Тот отчаянно запротестовал, но, услышав грохот вкатывающегося под лязг тормозов на станцию поезда, завопил от ужаса и вжался, как отличник на учениях по безопасности.

Поезд остановился, не доехав считанные метры. Мужчины поднялись. Дежурная спустилась к ним по лестнице. Ее

молодое круглое было залито румянцем от волнения и быстрого бега.

– Мужчина, что же вы, выпивши? – Она с тревогой всмотрелась в лицо упавшего.

– Нет, не пью я, совсем. Я хирург, на операцию вот еду. – Он потряс в воздухе несколькими, все еще зажатыми в руке, снимками. – Толкнул кто-то, а, может, задумался. – Он пожал плечами. – Извините, ради бога! Я всегда в своих мыслях, не знаю, как так получилось.

Внезапно он развернулся, взял найденные на платформе и протянутые ему очки и горячо, с силой сжал Алишеру руку.

– Вы не только мне жизнь спасли. Сегодня я провожу сложнейшую операцию на мозге. Другого хирурга она бы уже не нашла, спасибо вам!

– Здравствуйте! Дайте, пожалуйста, проездной. На год, – произнес искрящийся, полный счастья и энергии голос.

Кассир подняла голову от клавиатуры, обескураженная таким воодушевлением.

Пожилая женщина в красной беретке улыбалась. Из-под берета виднелся краешек свежего шрама.

– Меня сначала разобрали, а потом собрали, – она дотронулась до шрама, – и ушло все, что было лишнее – злость, тревоги страхи. Теперь лишь бесконечная жажда жизни и

каждый момент стал особенным.

– Ну, это для меня слишком радикально – поежилась Кассир.

– Просто надо жить! Надо! Вы понимаете? Многие и хотели бы, но лишь существуют, – ответила дама и отошла в сторону.

Кассир долго смотрела ей вслед. Затем повернулась и взглянула в зеркало над умывальником в углу комнаты. Немолодая, но и не старуха ведь, многие даже находят ее симпатичной. И действительно, в самом деле, сколько еще можно мучиться? Прогресс не обогнать, надо жить здесь и сейчас.

Она взяла ручку и аккуратными крупными буквами вывела: «Билеты можно приобрести в автомате напротив». Поставила табличку перед окошком. Задернула жалюзи и, шумно выдохнув, рывком открыла ящик стола. Объявление все также приветливо блестело, обведенное красным маркером. «Конкурс Экскурсоводов» не «мисс Москва», конечно, но с чего-то ведь надо начинать менять жизнь к лучшему!